УДК 316.647.5

СТАРОСТЕНКО А.М.

Социальная толерантность и согласие – формы участия граждан в управлении изменениями

В статье анализируются основные проблемы социальной толерантности. Автор демонстрирует методологию развития смыслов и идеологию толерантности в отечественной и зарубежной социологии в контексте общественного согласия и «культуры мира».

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, социальная толерантность, этническая толерантность, культурный плюрализм, «новый расизм».

В 1995 году в разных странах впервые были инициированы международные конференции, семинары и «круглые столы», посвященные идеологии культуры мира и непосредственно проблеме толерантности. Этот год был объявлен ЮНЕСКО Международным годом толерантности. Известные ученые, работающие не одно десятилетие в области социальных отношений, с нескрываемым интересом стали осмысливать понятия «толерантность» и «согласие» в международном контексте в связи с идеологией культуры мира и не в последнюю очередь в рамках российской действительности[1]. Особый интерес представляла методология развития смыслов и идеология данных понятий в отечественном обществознании. Тема крайне значима для сознательной или бессознательной тревоги людей, обеспокоенных судьбами человечества, стоящего на решающем перепутье эволюции социума. Выражением такой обеспокоенности стало, с одной стороны, стремление что-то предпринять, чтобы остановить разрушительное движение цивилизации и реализовать её эмоциональное и духовное преображение во имя каждого конкретного человека и всего человечества в целом. С другой стороны, возвращение к нашей исторической памяти: испокон веков народы России жили под управлением не только государственных и политических структур, но и гражданских (например, крестьянская община, земства, казачье самоуправление, тейповое, родоплеменное, клановое и т.д.), формируя, таким образом, через органы местного самоуправления элементы гражданского общества.

Оптимальное соотношение государства и гражданского общества как диалектического тождества, взаимополагания противоположностей, их сочетания, одновременного различия и взаимосвязи позволяет создавать и эффективно воплощать в жизнь инновации в управлении социальными процессами даже на грани фола. Важным моментом определения сдвигов в логической интерпретации государства и гражданского общества представляется то, каким образом накладывает свои требования современная историческая ситуация, а именно от какой социальной политики и программ социальной включенности государства в *смыслоразличительные критерии* будут выигрывать те или иные слои общества. Есть основание полагать: во-первых, классовое, социально неоднородное общество (иным его в современ-

ных условиях невозможно представить) не может существовать без государства, политической системы в целом, в то же время бессмысленно наличие государства вне конкретного общества. Во-вторых, государство – важнейший элемент политической системы общества, а гражданское общество по существу – все то, что не относится непосредственно к политической системе. Иначе говоря, без постановки практических задач проблемы социальной толерантности и согласия в силу своего семантического и идеологического содержания легко могут стать демагогическими и конъюнктурными.

Если говорить о западном опыте интерпретации социальной политики, то ученые более всего обращаются к концепции многовекторного развития потенциалов социального государства, изначально приверженного к конфликту между трудом и капиталом; исходя из этого, оно необходимо выступает гарантом соблюдения принятых в обществе «правил игры» и существования классовой дифференциации[2]. В этой связи современные противоречия социальной политики в цивилизованном мире проходят через кризис достигнутых *компромиссов в концепции социально ориентированного государства.* Несмотря на все разговоры о согласии, которые мы слышим много лет, готовность европейской общественности «нести общее бремя» не выходит за рамки национальных границ.

Европа переживает сегодня глубокий социально-политический кризис, проявлениями которого являются финансово-экономические симптомы. Внешне мы наблюдаем дефицит демократии в отношениях между Центром Европейского союза и его частями, фактически налицо совокупность серьезных трансформаций либерально-демократических режимов. Этому способствовали и способствуют три существенных обстоятельства: во-первых, не сложилось европейского демоса как такового; во-вторых, перспективы общественно-исторического изменения демократического управления хотя и открыты любому европейскому сообществу, однако поведенческие, социально-психологические, институциональные истоки народовластия распределены по европейской территории неравномерно как по горизонтали, так и по вертикали; в-третьих, социальная база демократии элитарного проекта ЕС претерпевает изменения, которые направляются самой элитой, нарушающей социал-демократические балансы и социальные ритмы зрелой политической демократии, в результате чего возникли структурные несоответствия между социальной реальностью и актуализированным политическим инструментарием[3].

Фиксируемые учеными трансформации общественных институтов и социальных связей воспринимаются на общеевропейском уровне «политикой без политиков» при «полном отсутствии политики в пределах отдельных государств». Есть основания полагать, что перед нами не родовые социокультурные противоречия капитализма, связанные с базисными основами частнособственнических отношений, а противоречия самой демократии как таковой, порожденные «культурной революцией капитализма»: ослабление устремленности к общей цели, снижение качества управления демократией как формой государственного устройства и «непреднамеренное содействие разрушению собственных основ»[4].

Европейские социально-экономические и политические события 2010–2012 гг. подтвердили выводы социолога Л. Колаковского о том, что сведение демократической политики государств к политике прав человека не обеспечит снятие противоречий между демократией и равенством граждан. Истоком гипертрофированных и несбалансированных процессов демократизации и интеграции европейского сообщества стала культурная революция шестидесятых годов XX столетия, которая «объявила нелегитимными все виды социальной иерархии и поставила в центр политики личность»; рыночная революция восьмидесятых годов делегитимировала государство как главного хозяйствующего субъекта; конец восьмидесятых годов характеризовался рыночной революцией, утвердившей необходимость существования тезиса «о вечности развитых либераль-

ных демократий»; девяностые годы содействовали динамизации кибернетических технологий и повсеместному распространению Интернета; начало XXI века ознаменовалось развитием нейробиологии, что позволило более результативно манипулировать эмоциями, особенно в ключевых моментах демократической политики.

Говоря обобщенно, культурная революция конца XX века привела к столкновению противоборствующих требований в современном обществе, преодолеть которые с помощью сведения демократической политики к политике прав человека оказалось невозможно. Логика мер, предполагаемых Европейским союзом по совершенствованию демократии через расширение свободы личности, подразумевала, с одной стороны, например, в Германии, усилить влияние общественного мнения на политику государства; с другой стороны, планировалось в Италии, Греции, Испании поле демократических преобразований жестко ограничить позицией избирателей в части смены правительства, не касаясь при этом принципов и норм экономики в целом.

Проведенный в мае 2011 г. Институтом социологических исследований и статистического анализа Forsa опрос, касающийся выбора между открытием государственных границ во имя благополучной жизни граждан Европейского союза и закрытием их ради сохранения культурной самобытности конкретных сообществ (национальной идентичности), показал, что 70% респондентов Германии выступают против щедрого финансирования ЕС, каждый второй проанкетированный является сторонником сокращения иммиграции, 38% опрошенных предпочли жить в «независимой Германии без евро и где ЕС не имел бы никакой юридической власти». Экспертные группы Австрии, Дании, Италии, Нидерландов, Финляндии, Швеции установили большой процент респондентов (43,4%), желающих непосредственно влиять на национальную политику указанных государств. Более того, в Центральной и Восточной Европе среди опрошенных велик уровень ксенофобии и расизма. Согласно данным фонда Фридриха Эберта, 77% венгров и поляков считают иммигрантов бременем для ЕС и выступают против интеграции иностранцев в их культуры. В свою очередь, состоятельные европейцы «старого света» более пессимистично относятся к иммигрантам и относят себя к «проигравшим»[5].

Тем не менее сторонников межгосударственной европейской интеграции общего внешнеполитического курса в области экономики, социальной и политической сфер становится год от года больше. Однако властные элиты стремятся искать решения на общеевропейском уровне, не учитывая при этом те обстоятельства, что глубинные противоречия и причины кризиса социума в каждой из стран видятся и проявляются по-разному. Одной из причин сложившейся ситуации является то, что Евросоюз создавался и реализуется как политико-бюрократический проект, вызвавший популистскую реакцию на национальном (как и внутриэлитном) уровне.

Опасность данной ситуации, по мнению члена Европарламента Э. Даффа, с одной стороны, состоит в том, что «существует риск чрезмерной централизации национальной политики вокруг требований Германии, связанных со штрафными санкциями, необходимыми для восстановления более слабых экономик еврозоны»[6]. С другой стороны, сама по себе координация социально-экономической политики не является федеральным решением и вряд ли может привести к жестким и неизбежно непопулярным мерам, ибо каждое юридическое заключение должно быть ратифицировано всеми национальными парламентами, а каждое решение исполнительной власти относительно размещения средств по их прямому назначению должно быть единогласно принято правительствами всех государств. Однако в условиях новых межправительственных механизмов, которые разрабатываются вне формальных институтов Евросоюза, право голоса зависит от финансового взноса страны, а здесь вес у Германии наибольший.

В распоряжении граждан Европы много способов выразить свое мнение: это выборы национальных лидеров, которые

представляют их позиции в Европейском совете, общеевропейские выборы в Европейский парламент, а в некоторых странах – референдумы о ратификации новых договоров. По мере того, как звучат предложения о более масштабной европейской деятельности, ученые и политики призывают укреплять традиционные каналы демократического участия, в частности общеевропейские выборы, референдумы по общегосударственным вопросам, возможность неучастия на уровне отдельных государств (opt-outs) и т.д. Евроструктуры и страны-участницы заинтересованы в том, чтобы Европейский союз вышел из институционального тупика, принял комплекс мер к повышению легитимности Европарламента и Еврокомиссии, представляя таким образом потенциал реального состояния европейских проблем и принятия по ним решений.

Чтобы понять тенденции изменения социума, мы обратились к требованиям текущего момента ЕС. Я. Зелонки, занимающийся европейской интеграцией, выявил возможные направления европейской дезинтеграции: недостаточно активные действия европейского сообщества; отказ от значительного рывка вперед; динамизирующийся процесс «замаскированного распада», когда лидеры ЕС сохраняют евро, но в итоге разрушают ЕС, не обращая внимания на серьезные противоречия, заложенные в концепциях *кризиса эффективности и кризиса легитимности*[7]. По мнению Дж. Сороса, в момент формирования европейского сообщества европейская валюта сама создавала свою среду, способстствующую социальной, политической и экономической интеграции граждан. Сегодня она переживает кризис, порождая дезинтеграцию не только на рынках, но и в сфере национальной политики. Это, по мнению ученого, «прекрасный пример процесса подъема и спада в политике»: сначала шло самоукрепление, а затем – саморазрушение»[8].

Прогресс, достигнутый человеческим сообществом в Европе в конце XX и начале XXI века, не привел к взаимопониманию между людьми. По-прежнему сильно стремление к абсолютному господству, уничтожению независимости. Это проявляется не только на уровне внешней и внутренней политики государств, но и в повседневном межличностном общении. Особенно сильное воздействие на массовое сознание оказывают различные формы конфронтации на национальной почве и в сфере культуры. Фактором гармонии многообразия сегодня является *социальная толерантность*.

Толерантность – ключевая проблема для всего мира, существенная составляющая демократических сообществ и стабильного государственного устройства. Это слово латинского происхождения («tolerantia») интерпретируется в дословном контексте, с одной стороны, как «терпение», «терпимость» к иного рода взглядам, нравам, привычкам, стилю и образу жизни. С другой стороны, оно имеет переносное значение, сложившееся в последнее время под влиянием социума и тех позитивных тенденций, которые происходят в настоящее время в обществе (признак уверенности в себе, осознанность личностных позиций и мировоззрения, открытого для сравнения с другими точками зрения). И, наконец, это специфическая область социологического знания, заключающаяся в духовно-нравственном принятии (непринятии) другого человека как доминанты культуры межличностных взаимодействий, неординарных поисках выхода из проблемных, кризисных и экстремальных ситуаций[9]. Снижение чувствительности к влиянию неблагоприятных факторов в обществе может быть связано с отсутствием или ослаблением реагирования на них общественным сознанием или общественной психологией.

В основе формирования толерантности находятся ключевые идеи и принципы, которые определяют не только методологический уровень, лежащий в основе практического подхода к жизнедеятельности, но и специфику рационализации его технологии. Сегодня системообразующими элементами всеобщего стереотипа толерантности являются психологические и поведенческие навыки духовно-нравственных действий и отношений отдельных людей и социальных групп, способ-

ствующие ее культивированию на индивидуальном и надгосударственном уровнях и раскрывающие эволюцию сущности данного понятия в контексте социальных изменений. Повсеместно толерантность становится не только популярным социально-политическим термином, философским идеалом, но и условием выживания человечества.

Однако нельзя согласиться с дословной трактовкой, буквальным переводом данного понятия. С момента его первоначального применения для обозначения межличностных и межгрупповых отношений произошли существенные изменения, которые повлекли за собой глобальную трансформацию социального смысла понятия «толерантность».

Краеугольным основанием выживания, адаптации и самоутверждения индивида в обществе является *социальная толерантность* – способность противостоять внешним воздействиям и самостоятельно, с высоким быстродействием возвращаться в состояние социально-психологического равновесия[10]; социально значимая характеристика и особый позитивный способ принятия различий, который исключает развитие конфронтации и ксенофобий[11]; устойчивость к неопределенности, конфликтам, поведенческим отклонениям, агрессивным действиям, нарушению границ и норм. Весь этот ряд идет от психофизиологического уровня до социального – от умения держать себя в руках до «искусства жить с непохожими»[12].

Для понимания аспектов взаимозависимостей внутри исследуемого диапазона социальной толерантности была проведена корреляция между социально-психологической устойчивостью личности и ее толерантностью как императивом с точки зрения ее качественного и содержательного анализа. Установлено: во-первых, социальная толерантность в практическом контексте может быть приобретена в ситуации стабильных общественно-экономических и политических взаимодействий с собой и окружающим миром; во-вторых, это метод развития способности индивида к мобилизационной реакции и одновременно результат однонаправленного «воздействия идеологии культуры мира» – темперамент, атмосфера в семье, воспитание, опыт, социальные и культурные факторы[13]; в-третьих, осознанный переход от логики конфликта к логике толерантности через интолерантность, иначе говоря, поиск подходов к *формированию толерантности через толерантность* (взаимопомощь, альтруизм, эмпатия, миролюбие, веротерпимость, кооперация, сотрудничество, стремление к диалогу и другие).

Толерантный путь изменений – это путь индивида (социальной группы), который хорошо знает себя, комфортно чувствует в любой окружающей среде, понимает других людей, всегда готов прийти им на помощь, доброжелательно относится к иным культурам, взглядам и традициям. Сегодня широко распространен *инвариантный путь* – это путь человека, который думает о своей исключительности, имеет низкий уровень воспитанности, испытывает постоянно чувство дискомфорта бытия в любой социальной среде, отвергает иные культуры, взгляды и традиции. Для сравнения. *Толерантные люди* адаптивны к окружающим, знают свои достоинства и недостатки, не перекладывают ответственность на других, сами решают свои проблемы, формируют объективные суждения о других, обладают чувством юмора, всегда готовы посмеяться над собой, предпочитают жить в демократическом свободном обществе. *Интолерантные граждане* неуравновешенны, агрессивны, порой сенситивны, склонны подчеркивать свои достоинства, опасаются близкого социального окружения, снимают с себя ответственность за все происходящее вокруг, оценивают поступки и достоинства других «по своему образу и подобию», склонны к апатии, приветствуют авторитарные методы управления.

Современная реальность с ее непредсказуемостью ставит человечество перед необходимостью развития культуры межнациональных отношений и формирования принципов *этнической толерантности*, которая представляет собой приоритетную основу конструктивного взаимодействия представителей разных этносов

и их сосуществования с другими людьми на уровне *понимания и принятия культурного плюрализма.*

В Декларации принципов толерантности, утвержденных Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г., толерантность интерпретируется как уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур, разнообразных форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности[14]. Поэтому вполне закономерным стало стремление социологов к распространению новой идеологии толерантности, которая обосновывает, с одной стороны, систему жизненных ценностей и приоритетов, имеющих экзистенциальное значение в человеческом сознании и бытии; с другой – основные структурообразующие факторы социальной жизни в современном плюралистическом, мультикультурном мире, признающем «инаковость», «ускоренную» философскую рефлексию, межкультурную компетентность и постмодернистскую риторику «управления различиями».

В социологии имеется несколько подходов к пониманию понятия «социальная толерантность». В.А. Липатов, основываясь на моделях культурно-исторического и семантического значения данного понятия в контексте социальных изменений, выделил несколько групп: а) экологическая; б) иммунологическая; в) безразличие; г) снисхождение; д) критический диалог, расширение собственного опыта. Все эти типы социальной толерантности основаны на позитивных отношениях, которые базируются на рациональных и внерациональных основаниях, связаны прежде всего с процессами самоидентификации, крайне мало учитывают позиции корректировки и переосмысления. Эта форма толерантных взаимоотношений возможна при мобильности ценностных систем, соответствующем уровне организации культуры, наличии социально-духовной пластичности социальных групп и отдельных членов общества. Иначе говоря, толерантность в этом случае выступает как *фактор согласия на изменения индивидуальной и коллективной идентичности.*

Особо В.А. Липатов выделяет дифференцированное толкование психологической феноменологии толерантности, куда он относит: а) естественную (натуральную) толерантность, предполагающую открытость, любознательность, доверчивость, не ассоциирующуюся с качествами «Я» субъекта; б) моральную толерантность, основанную на терпении и терпимости, ассоциируемых с процессом персонализации и механизмами психологических защит «внешнего Я» индивида; в) нравственную толерантность, ориентированную на триаду К. Роджерса – безусловное согласие, безоценочность и конгруэнтность.

В соответствии с «Декларацией принципов толерантности» ЮНЕСКО в Российской Федерации в 2001 г. была принята Федеральная программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)», где акцент сделан на интерпретации толерантности как ценности и социальной нормы гражданского общества, проявляющихся в праве каждого гражданина быть «неодинаковым» в своих жизнепроявлениях, но при условии нормативно-правового соблюдения гармонии бытия. Памятуя, что в многонациональном государстве существуют различные конфессии, политические, этнические и другие социальные группы, и то, что следует проявлять уважение к разнообразию культур, цивилизаций и народов, граждане должны быть всегда ориентированы на согласие и сотрудничество независимо от языка, образа жизни, обычаев и верований среды.

Итак, социальная толерантность – продукт исторического развития общества, следствие сосуществования различных культур и локальных цивилизаций. Современное общество без толерантности будет неустойчивым именно по причине наличия плюрализма. Толерантность и плюрализм являются взаимодополняющими и взаимонейтрализующими друг друга социальными феноменами. В.А. Лекторский, исследуя основы гармонично развивающихся сообществ, пришел к выводу о том, что, во-первых, непременным условием их эффективного функционирования являет-

ся плюрализм; во-вторых, плюрализм взглядов и ценностей *неустраним*, ибо все культуры и познавательные установки равноправны, но границы их взаимодействия «замкнуты на себе», поэтому толерантность в данном контексте способна выступить в качестве фактора согласия и уважения к другому; в-третьих, используя принцип «негативной диалектики» Сократа при обсуждении проблем с оппонентом, мы априори настраиваем его на позитивные взаимоотношения; в-четвертых, взаимная критика и самокритика есть не что иное, как плюрализм подходов к плодотворному изменению личностных позиций и развития коммуникативной культуры в целом. Таким образом, толерантность – уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение точек зрения и мнений в ходе объективного критического диалога[15].

Поскольку различия, которые являются предпосылкой толерантности, могут присутствовать на любом уровне социальной, культурной или политической реальности, постольку толерантность должна наличествовать на каждом из этих уровней. В действительности мы наблюдаем противоположное: непрекращающиеся конфликты (Ближний Восток, Югославия, Афганистан, Ирак, Кавказ), международный терроризм и локальный экстремизм и т.д. Ведущие западные СМИ практически в течение двух десятилетий солидарно поднимают и обсуждают одну тему: превосходство и непогрешимость либеральной демократии, гегемоном которой являются США. К сожалению, обсуждение и осуждение насильственных действий со стороны отдельных государств и части мирового сообщества происходит в рамках идеологии полувековой давности, к примеру, приписывание тем или иным социальным группам каких-либо биологически заданных черт – «новый расизм», использующий культурные характеристики[16].

По мнению В. Шнирельмана, применяя идеологию «нового расизма», американские социологи сформулировали концепцию «символического расизма» (symbolic racism); британцы более детально стали изучать «новый расизм» (new racism) как таковой; француз Пьер-Андре Тагиефф употребил понятие «дифференциалистский расизм» (racisme differencialiste). К ключевым категориям «нового расизма» ученый относит «несовместимость культур», «порог толерантности», «сохранение этнокультурного портрета», «культурную экологию», «столкновение цивилизаций», «архетипы», «менталитет» и т.д.[17].

Изучив эволюцию сложившейся парадигмы расизма XX века и описав ее базовые характеристики, В. Шнирельман пришел к выводу о том, что, во-первых, в данной парадигме осуществлен перенос акцента с биологии на культурные ценности; во-вторых, приоритет в иерархии отдается культурным различиям, которые преувеличиваются, реифицируются и декларируются как «культурная несовместимость»; в-третьих, расистские настроения выражаются в скрытой форме, поэтому трудно распознаются[18].

«Новый расизм» имеет одну важную особенность – «неосознанность», которая выступает основным аргументом при характеристике «культурных способностей» и свойственных им стереотипов-клише при выделении сущностной составляющей ментальности «этнической общности». Рассматривая суть расизма в России, В. Шнирельман подчеркивает, что это «институциональный расизм», который имеет место быть во всех структурах властеотношений и в нескольких обличиях». Его идеология основана на «примордиалистских установках теории этноса, превращающей его в «биологическое тело», где «не только воспроизводится, но и осуществляется дискриминация расиализированных «чужаков»[19].

Итак. Социальная толерантность предполагает признание ценности иного взамен стремления к уравниванию и нивелированию различий: чем глубже в культуре заложена идея неотчуждаемых прав человека, тем более толерантными становятся отношения к гражданам на уровне государственной политики, создания справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и законодательных норм. Этот момент, с точки зрения М. Гольдмана, подтверждает, что «одна из главных культур, которая должна быть

свойственна и нации, и стране в целом, – это правовая культура населения»[20].

Толерантность имеет смысл только там, где присутствует согласие взаимодействующих субъектов. Более того, наличие отношений равенства само по себе приводит к возникновению социальной толерантности, которая в таких условиях, как правило, является результатом внутренней духовно-нравственной работы и самоутверждения на уровне двоякого взаимодействия *равенства – толерантности.* Равенство обусловливает появление толерантности, а толерантность, в свою очередь, является инструментом обеспечения согласия в обществе, предпочтения позиции «взаимного приоритета» и точек зрения. Главное условие успешного решения проблемы участия граждан в управлении позитивными изменениями – активизация их собственных внутренних резервов и интеллектуального потенциала, побуждение к преодолению социально-политических и экономических противоречий в рамках применения субъект-субъектной парадигмы социальной толерантности и согласия.

Диалог – основа и важная составляющая социальной толерантности как объективного процесса участия граждан в управлении общественно значимыми изменениями. Толерантность никогда не бывает раз и навсегда застывшей истиной. Она изменяется вслед за изменяющейся реальностью.

Таким образом, толерантность можно определить и как особую идею, и как определённую систему ценностей, которая рассматривается в числе социокультурных факторов вывода современного социума на качественно новый уровень. Это и определённая гуманистическая идеология, и результативный социальный процесс, определённая концепция и действенная технология взаимодействия людей. Такие моменты, как стремление сделать жизнь более безопасной и открытой, привнести веру в ценность и достоинство человеческой личности, ее гражданские права и ответственность, позволяют назвать толерантность этической парадигмой современности, основополагающим принципом социального мира и общественного согласия.

---

[1] См.: Толерантность и согласие. М.,1996.

[2] Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Государство в современном мире. М., 2003. С. 147–148.

[3] См.: Lynch A.C. What Russia Can Be: Paradoxes of Liberalism and Democracy// The American Interest. 2006. Nov./Dec.

[4] Белл Д. Культурные противоречия капитализма. М., 1976.

[5] Global Barometer of Hope Despair for 2011.

[6] Duff A. Federal Union Now: The Federal Trust. 2011 (http: // www.fedtrust.co.uk/admin/ uploads/federal-union-now-book.pdf).

[7] Zielonka J. Marching towards Disintegration // European Council on Foreign Relations. 3 Oct. 2011 (http: //ecfr.eu/ content/ entry/ commentary_marching_towards_disintegration).

[8] Transcript of Remarks by George Soros Central European Univ, Budapest. 3 Nov. 2011 (https: // www.ceu.hu/ soros-transcript-nov3-2011).

[9] Понятие «толерантность» имеет почти одинаковый смысл в различных языках: в английском – «готовность быть терпимым»; во французском – «уважение к человеку, который думает и действует иначе, чем другие»; в китайском – «быть по отношению к другим великолепным»; в арабском – «милосердие», «терпение», «сострадание»; в русском – «снисхождение», «умение принять другого таким, какой он есть» – «О подлинной истории стратегических этносов Евразии». http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-35130/

[10] Толерантность и согласие / Под ред. В.А. Тишкова, Г.У. Солдатовой М., 1996.

[11] Уолцер М. О терпимости. М., 2000.

[12] Асмолов А.Г. Толерантность как культура XXI века // Толерантность: объединяем усилия. М.: Летний Сад, 2002.

[13] Там же.

[14] Риэрдон Бетти. Толерантность – дорога к миру. М., 2001. С. 262.

[15] Глобалистика: Энциклопедия. С. 1019.

[16] Wieviorka M. Neuf Lecons de sociologie. P.: Pluriele, 2010 (2008).

[17] Шнирельман В. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. В 2-х т. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 2. С. 460.

[18] Там же: Т. 1. С. 145.

[19] Там же. Т. 1. С. 146–147, 183; т. 2. С. 169, 468–469, 483.

[20] Гольдман М. Конструктивная критика как составная часть толерантности [Электронный ресурс] // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения (Материалы исследований и научно-практической конференции). – Режим доступа: www.tolerance.ru, свободный.